

• •

[Stable URL: <http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/handle/123456789/2722>]

[:]
1851: // . . .
.3. .1 / . (.). ., 337-347.

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

« »

THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
"THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES"
YAROSLAVL BRANCH

YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

БАИИ.

Littus beatae Veneris aureum Baias,
Baias superbæ blanda dona naturae,
Ut mille laudem, Flacce, versibus Baias
Laudabo digne non satis tamen Baias.

Martialis XI, 80.

Можетъ быть ни одно мѣсто въ Италиі не наводитъ на путешественника, знакомаго съ давно-минувшею судьбою этого края, столько грусти, какъ Баиі и ихъ окрестности. Смотри на этотъ голый, выжженный солнцемъ берегъ съ двумя или тремя бѣдными рыбачьими хижинами, онъ едва вѣрить восторженному восклицанію въ одномъ изъ посланій Горація¹, что «нѣтъ на свѣтъ мѣста прекраснѣе Байскаго залива», и подобнымъ отзывамъ другихъ римскихъ поэтовъ, между прочими отзыву Марціала, служащему эпиграфомъ этой статьи. А нужно замѣтить, что древніе вообще были довольно холодны къ красотамъ природы; по крайней мѣрѣ подобныя чувства не часто высказываются въ ихъ произведеніяхъ, и мы находимъ у нихъ очень мало описаній различныхъ мѣстностей.

О Баіяхъ не разъ упоминается въ римской исторіи, но всегда по поводу какого нибудь печальнаго или ужаснаго событія. Въ Баіяхъ дряхлѣвшая римская республика почувствовала первая свои предсмертныя судороги: здѣсь составился триумvirатъ между Цезаремъ, Помпеемъ и Крассомъ. Въ Баіяхъ былъ отравленъ ядомъ

¹ Epist. l. 1, 83.

Марцеллъ, одна изъ лучшихъ надеждъ Рима въ начальный периодъ имперіи, одна изъ самыхъ отрадныхъ личностей безотраднaго времени; отсюда наконецъ Неронъ отправилъ мать свою Агриппину въ море на корабль, на которомъ она должна была погибнуть.. Но взглянемъ на Баи съ другой болѣе отрадной стороны.

Вообще берегъ Кампаніи, не даромъ прозванной въ древности счастливою, *Campania Felix*, считался во времена римскаго владычества однимъ изъ самыхъ очаровательныхъ и веселыхъ мѣстъ въ цѣлой Италіи. Южный зной умѣрялся здѣсь близостію моря, и на каждомъ шагу путешественнику представлялись разнообразныя живописныя мѣстности. Самымъ живописнымъ пунктомъ въ этомъ чудномъ уголку Италіи безспорно были Баи съ своими окрестностями; природа и искусство соединились здѣсь, чтобы сдѣлать этотъ небольшой городъ однимъ изъ самыхъ привлекательныхъ мѣстъ древняго міра. Передъ Баіями разстилася великолѣпный заливъ, на одной оконечности котораго живописно лежала римская военная гавань Мизенумъ, а на другой находились *Puteoli* (теперь Пуццоли). Весь берегъ между этими двумя городами представлялъ почти непрерывную цѣпь зданій¹; здѣсь почти на каждомъ шагу встрѣчались виллы римской знати, очаровательныя сады и великолѣпныя храмы. Повѣстическій характеръ окрестностей байскихъ еще болѣе увеличивался отъ множества преданій и легендъ, которыя соединила съ этими мѣстами народная фантазія. Сами Баи были основаны, по сказанію, Баіосомъ, спутникомъ Одиссея, сходявшаго въ этихъ мѣстахъ въ преисподнюю². Черезъ эти мѣста и герой *Виргиліевой* поэмы, Эней, проникъ въ адъ. Вблизи Баій находилось безрыбное Авернское озеро, окруженное злокачественной атмосферой, поросшее печальными кипарисами, придававшими ему видъ унылый и мрачный; здѣсь-то былъ этотъ знаменитый въ народныхъ легендахъ спускъ въ подземное царство³. Не далеко отъ

¹ Strabo V, 4. p. 200 Siebenk.

² Strab. V, 4, p. 193 Siebenk.

³ Въ древности им рыбы не переносили воды Авернскаго озера, и птицы атмосферы, его окружавшей. Отсюда объясняли древніе и самое имя озера: *ἄρνως*, т. е. лишенное птицъ. Такъ Лукреціи VI, 739:

Principio quod Averno vocantur nomine, id ab re
Impositum est, quia sunt avibus contraria cunctis.

Тоже и *Виргилій*, VI, 235; см. сл. прим. Но теперь подземные боги потеряли свои права на озеро: оно стало обильно рыбой и по крайней мѣрѣ зимою ат-

Аверискаго озера показывали пещеру, знаменитую прорицаніями Сивиллы¹; здѣсь же находилось и знаменитое рыбой и устрицами, теперь исчезнувшее, Лукринское озеро. Въ пяти римскихъ миляхъ отъ Байи къ сѣверу лежалъ городъ Кумы, замѣчательный какъ древнѣйшая греческая колонія въ Италіи. Наконецъ между Мизенумомъ и Кумами находилось Ахерунтское озеро (теперь Lago Fusago или della Collucia), чрезъ которое, по народному повѣрью, занесенному въ Италію вѣроятно греческими обитателями этихъ мѣстъ, Харонъ перевозилъ въ царство тѣней души умершихъ, а за этимъ озеромъ разстилалась очаровательная долина, въ которой живое воображеніе древнихъ Итальянцевъ помѣстило Элисейскія поля². Образованію всѣхъ этихъ преданій много, конечно, способствовала и самая почва этой части Кампаніи. Эта почва имѣла вулканическое свойство и изобиловала горячими ключами и сѣрою; грозныя и мрачныя картины природы смѣнялись здѣсь на каждомъ шагѣ живописными видами и мѣстностями украшенными всеми дарами южнаго неба.

Не мудрено поэтому, что Байи съ своими окрестностями довольно рано сдѣлались любимымъ мѣстопребываніемъ богатыхъ Римлянъ, сосѣднихъ Неаполитанцевъ и другихъ жителей древней Италіи. Всѣ эти эпикурейцы, ставившіе главною цѣлію и задачею

мосфера около него превосходная. Измѣненіе произошло уже въ древности и приписывается тому, что Августъ велѣлъ вырубить лѣсъ, окружавшій озеро. Но и теперь открываются иногда на его днѣ сѣрные ключи, и тогда рыба погибаетъ. Глубины оно имѣетъ по измѣненіямъ нашего времени 400'. На восточномъ его берегу есть развалины античнаго храма, какъ полагаютъ — Плутонова.

¹ Virg. Aen. VI, 235.

Spelunca alta fuit vastoque immanis hiatus,
 Scrupea, tuta lacu nigro, nemorumque tenebris,
 Quam super haud ullae poterant impune volantes
 Tendere iter pennis: talis sese halitus atris
 Faucibus effundens, supera ad convexa ferebat;
 Unde locum Graii dixerunt nomine Avernum.

Эта пещера соединяла Авериское озеро съ Кумами. Теперь цѣлы только входы въ нее со стороны Аверискаго озера и со стороны Кумъ; а остальное обрушилось.

² Palus Acherusia; у Virgилія tenebrosa palus, по причинѣ темнаго цвѣта воды. О Харонѣ Virгилій Aen. VI, 298:

Portitor has horrendus aquas et flumina servat
 Terribili squalore Charon.

Элисейскія поля находились, по предположенію ученыхъ, между теперешними Lago Fusago и Mare morto близъ Мизенума. Теперь здѣсь есть развалины сооруженія, похожаго на циркъ. Итальянцы зовутъ ихъ Mercato del Sabato.

жизни наслаждение, а ихъ было не мало въ римскомъ обществѣ, всѣ любители красотъ природы и повѣстическихъ воспоминаній вереницею тянулись сюда провести лѣтній сезонъ, а не рѣдко и зимній, потому что необыкновенная умѣренность климата дѣлала жизнь въ Байяхъ очень пріятною даже и въ это время; здѣсь круглый годъ цвѣли цвѣты и созрѣвали фрукты¹. Вотъ почему весь байскій берегъ былъ застроенъ множествомъ виллъ, принадлежавшихъ римской знати; онъ представлялъ собою какъ бы живую лѣтопись, въ которую вписаны были громкія имена изъ различныхъ періодовъ римской исторіи. Марій, Цезарь, Помпей, Цицеронъ, Гортензіи, Лукуллы имѣли здѣсь свои загородные дома. Въ характерѣ этихъ построекъ замѣчалось большое различіе. Виллы Марія, Помпея и Цезаря рѣзко отличались отъ позднѣйшихъ построекъ; онѣ находились не на самомъ берегу, а на ближнихъ возвышеніяхъ, и походили скорѣе на средневѣковые замки и крѣпости, чѣмъ на загородные дома². Само собою разумѣется, что между всѣми этими виллами загородный домъ Лукулла отличался баснословною роскошью; онъ представлялъ собою цѣлый городъ со множествомъ богато украшенныхъ зданій. Цѣлыя горы были скрыты для того, чтобы провести морскую воду въ искусственное озеро, устроенное въ виллѣ этого римскаго Ксеркса³, какъ называли Лукулла въ Римѣ, и на оборотъ засыпаны были цѣлыя морскіе заливы, на мѣстѣ которыхъ возникли великолѣпные мраморные дворцы⁴.

Вообще страсть строиться какъ можно ближе къ морю и даже въ самомъ морѣ, на его ближайшихъ отъ берега отмеляхъ, сильно развита была въ Римлянахъ, въ особенности во время Августа. Чего стоила эта прихоть римскимъ богачамъ, можно судить еще и теперь по колоссальнымъ остаткамъ отъ этихъ построекъ. Эти надводныя виллы не боялись моря съ его бурями, потому что отличались необыкновенною прочностію своихъ фундаментовъ, надежнымъ цементомъ для которыхъ служилъ особаго рода песокъ, находившійся въ окрестностяхъ Байи и Пуццоліи. Этотъ песокъ, смѣ-

¹ Въ этомъ смыслѣ Сенека Ер. LV называетъ одну изъ этихъ виллъ *villa totius anni*, это именно вилла того Ватинъ, о которомъ мы будемъ говорить ниже.

² Seneca Ер. 51. называетъ ихъ не *villae*, а *castra*.

³ *Xerxes togatus*.

⁴ Vellei. II, 33. Вилла Лукуллова замѣчательна между прочимъ и тѣмъ, что въ ней умеръ Тиберій. Валерій Азіатикъ украсилъ ее еще болѣе, и это привлекло на нее вниманіе Мессалины, которая убѣдила Клавдія умертвить Азіатика и вступить во владѣніе великолѣпною виллою. Лежала она близъ Мизенскаго мыса.

шанный съ известью, отъ дѣйствія воды получалъ необыкновенную прочность и превращался все въ болѣе и болѣе твердую массу, такъ что сдѣланные при помощи его фундаменты бывшихъ Байскихъ надводныхъ виллъ во многихъ мѣстахъ до сихъ поръ еще противятся напору морскихъ волнъ и всеокрушающей рукъ времени¹.

Горацій нѣсколько разъ говоритъ и всегда съ горькою ироніею объ этихъ морскихъ виллахъ; онъ смотрѣлъ на нихъ какъ на прихоть и пустой капризъ римскихъ богачей:

Tu locanda mariora
 Locas sub ipsum funus et sepulcri
 Immemor struis domos
 Marisque Bajis obstrepentis urges
 Summovere littora,
 Parum contentus continente ripa².

Въ «Посланияхъ», гдѣ Горацій такъ часто и такъ живо рисуетъ намъ непостоянство и минутныя прихоти не только богатаго, но и бѣднаго класса римскаго народонаселенія, онъ пишетъ между прочимъ: «нѣтъ ничего на свѣтѣ, говоритъ богачъ, прекраснѣе Байскаго залива, и вотъ озеро и море уже чувствуютъ любовь поспѣшно собирающагося къ нимъ на житье барина; но если вдругъ возьметъ надъ нимъ верхъ его непостоянная прихоть, то на завтра же при-

¹ Этотъ песокъ вулканическаго происхожденія; онъ называется теперь Pozzolano или Pozzolana. Вотъ что пишетъ о немъ Витрувій II, 6: Nascitur (genus pulveris) in regionibus Baianis et in agris circa Vesuvium montem, quod commixtum cum calce et caemento non modo ceteris aedificiis praestat firmitates, sed etiam moles, quae construuntur in mari, sub aqua solidescunt. Hoc autem ea ratione fieri videtur, quod sub his montibus et terrae ferventes sunt, et fontes crebri, qui non essent, si non in imo haberent aut de sulphure aut de alumine aut bitumine ardentes maximos ignes. Igitur penitus ignis et flammae vapor per interveneria permanens aut ardens efficit levem eam terram, et ibi tophus qui nascitur, exurgens est et sine liquore. Ergo cum tres res consimili ratione, ignis vehementia formatae, in unam pervenerint mixtionem, repente recepto liquore una cohaerescunt, et celeriter humore duratae solidantur, neque eas fluctus, neque vis aquae potest dissolvere.

² Hor. Od. II, 18. Сравни. Od. III, 1:

Contracta pisces aequora sentiunt
 Jactis in altum molibus: huc frequens
 Caementa demittit redemptor
 Cum famulis dominusque terrae
 Fastidiosus: sed Timor et Minae
 Scandunt eodem quo dominus, neque
 Decedit aerata triremi et
 Post equitum sedet atra cura.

дется вамъ, работники, перевести ваши инструменты въ Теанумъ¹. Другіе объясняютъ этотъ обычай строиться какъ можно ближе къ морю не прихотью владѣльцевъ этихъ надводныхъ виллъ, а тѣмъ, что они по возможности старались освободиться отъ вреднаго вліянія климата байскихъ окрестностей, который не всѣми считался здоровымъ².

Не одна впрочемъ любовь къ природѣ заставляла Римлянъ охотно мѣнять вѣчный городъ на очаровательныя мѣстности Кампаніи. Въ печальные и страшные періоды римской исторіи укрывались здѣсь многіе богатые Римляне съ тѣмъ, чтобы избавиться отъ преслѣдованій и доносовъ. Имъ страшно было оставаться въ Римѣ, гдѣ въ то время богатство, возбуждавшее алчность временщиковъ, для многихъ нерѣдко было единственнымъ преступленіемъ, единственною причиною казней. Одинъ изъ такихъ осторожныхъ людей, Сервилій Ватія, построилъ себѣ, во время Тиберія, прекрасную виллу въ живописныхъ окрестностяхъ Лукринскаго озера съ тѣмъ, чтобы провести въ ней жизнь свою безъ тревогъ и опасеній, и тихо умереть по слову природы, а не по слову какого-нибудь Тиберіева центуріона. Съ тѣхъ поръ какъ Ватія оставилъ Римъ и поселился въ своей уютной виллѣ, неизвѣстность сдѣлалась главнымъ его желаніемъ, главною цѣлію его жизни. Онъ не достигъ однако этой цѣли; его осторожность доставила ему напротивъ историческую извѣстность и еще при его жизни вошла въ Римъ въ половицу. Всякій разъ какъ падала новая жертва, въ Римѣ говорили: «ты одинъ только умѣешь жить, Ватія³». Съ другой стороны не было недостатка и въ острогахъ надъ осторожнымъ анахоретомъ. Сенека говоритъ, что при жизни Ватіи онъ никогда не могъ про-

¹ Небольшой городъ въ сѣверо-восточной части Кампаніи въ 30 миляхъ (римскихъ) отъ Байи. Озеро, упоминаемое здѣсь, есть озеро Лукринское. Вотъ самыя слова Горация, *Ер. 1, 1, 85*:

Nullus in orbe sinus Baiis praelucet amoenis,
Si dixit dives, lacus et mare sentit amorem
Festinantis heri, cui si vitiosa libido
Fecerit auspicium, cras ferramenta Teanum
Tolletis, fabri.

² Дѣйствительно вода составляетъ лучшее предохранительное средство отъ италіанской малярии. Такъ одна ночь, проведенная на Понтійскихъ болотахъ, можетъ имѣть слѣдствіемъ венерзіанскую лихорадку, между тѣмъ какъ въ лодкѣ на каналѣ, проведенномъ черезъ эти болота, можно спать безопасно. См. Niebuhr's *Vorträge über alte Länder- u. Völkerkunde*, стр. 460.

³ A. Senecae *Epist. I.V.*

ѣхать мимо его виллы, чтобы не сказать: «здесь лежит Ватія¹». Что имѣло болѣе смысла — острота ли Сенеки, или поведеніе Ватія — рѣшить не трудно. Можетъ быть многіе согласились бы охотно похоронить себя заживо въ Лукринской виллѣ Ватія, но едва ли кто захочетъ кончить такъ, какъ кончилъ Сенека.

До сихъ поръ однако мы еще не обратили вниманія нашихъ читателей на главную характеристическую сторону Байі, которая болѣе всего содѣйствовала тому, что этотъ небольшой городъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ веселыхъ и шумныхъ мѣстъ въ древней Италіи. Байі славилась своими цѣлебными, въ особенности сѣрными источниками. Сюда Римляне, Неаполитанцы и жители другихъ городовъ Италіи ѣздили на воды. Въ Байяхъ былъ безпрестанный и постоянный наплывъ посѣтителей, больныхъ и здоровыхъ, изъ которыхъ первые, разумѣется, спѣшили сюда за тѣмъ, чтобы получить облегченіе, а вторые, какъ это водится и въ наше время на минеральныхъ водахъ, имѣли въ виду пріятно провести время. Кроме горячихъ сѣрныхъ ключей Байі обязаны своею извѣстностію также своимъ паровымъ ваннамъ, устроеннымъ самою природою (*naturales sudationes*). Многія мѣста въ окрестностяхъ этого города изобиловали сѣрными испареніями; въ другихъ мѣстахъ стоило только немного раскопать землю, чтобы достигнуть той же цѣли. Въ эти углубленія садились больные и тотчасъ же обдавались горячимъ сѣрнымъ паромъ; иногда проводили сѣрные пары посредствомъ трубъ въ дома, служившіе помѣщеніемъ для больныхъ. И теперь еще въ окрестностяхъ Байі довольно много такихъ цѣлебныхъ мѣстъ, но они уже давно не пользуются такою знаменитостію, какъ въ древности. Теперь еще въ этихъ мѣстахъ показываютъ путешественникамъ пещеру, извѣстную подъ именемъ Нероновыхъ бань. Невыносимый, удушливый жаръ за нѣсколько шаговъ уже останавливаетъ желающаго приблизиться къ этой пещерѣ, и живущіе въ этихъ мѣстахъ простые люди обыкновенно за небольшую плату показываютъ путешественникамъ дѣйствіе сѣрнаго пара; полуодѣтые, они входятъ въ пещеру и чрезъ нѣсколько секундъ выходятъ оттуда совершенно покрытые потомъ. Изъ древнихъ подробнѣе всѣхъ говоритъ о байскихъ источникахъ Плиній старшій. Мы приведемъ вполне его слова: «Нигдѣ нѣтъ такого обилія минеральныхъ водъ (говоритъ Плиній) какъ въ Байскомъ заливѣ, и нигдѣ воды

¹ Senec. *ibid.* At ille latere sciebat, non vivere. — Nunquam aliter hanc villam, Vatia vivente, praeteribam, quam ut dicerem Vatia hic situs est.

не имѣютъ такой разнообразной цѣлительной силы; тамъ есть и сѣрные источники, и квасцовые (*aluminis*), и соляные, и натровые (*nitri*), и изъ земляной смолы (*bituminis*), и смѣшаннаго, кислаго и солянаго, свойства. Есть и такіе, которые приносятъ помощь паромъ. И такая въ нихъ сила, что они могутъ нагрѣвать баню и въ ваннахъ заставлятъ кипѣть холодную воду, что можно видѣть въ баняхъ, называемыхъ Посидіановыми по имени Клавдіева отпущенника. Овощи въ нихъ варятся. Испаренія выходятъ и въ самомъ морѣ, именно въ баняхъ, принадлежавшихъ Лицинію Крассу; изъ средины волнъ возникаетъ спасеніе отъ болѣзней. Вообще эти воды помогаютъ нервамъ, ногамъ (*nervis, pedibus, coxendicibus*), полезны въ вывихахъ, переломахъ (*luxatis fractisve*); очищаютъ, залѣчиваютъ раны, помогаютъ въ особенноти головѣ и ушамъ; для глазъ цѣлебны Цицероновскія. Заслуживаетъ упоминанія вилла, лежащая надъ берегомъ на дорогѣ отъ Аверискаго озера въ Путеоли, извѣстная своимъ портикомъ и роццей, и названная Цицерономъ Академіей, по примѣру Афинъ; здѣсь онъ написалъ книги, носящія имя Академіи, и соорудилъ себѣ памятники, какъ будто не сдѣлалъ ихъ себѣ во всей вселенной. Въ передней части этой виллы, вскорѣ послѣ смерти Цицерона, когда виллою владѣлъ Антистій Ветусъ, открылись горячіе источники, весьма полезные для глазъ и прославленные стихотвореніемъ Цицеронова отпущенника Лавреи Туллія ¹.

Не смотря однакоже на то, что байскіе горячіе ключи и паровыя ванны не разъ оказывали благотворное дѣйствіе во многихъ болѣзняхъ, Баи по временамъ выходили изъ моды, и многіе предпочитали имъ тѣ мѣста, въ которыхъ находились холодные ключи ². Такое соперничество этихъ послѣднихъ мѣстъ въ особенноти

¹ N. П. XXXI, 2, 2 и 3. Вотъ стихотвореніе Лавреи, сохраненное Плиніемъ:

Quod tua, Romanae vindex clarissime linguae,
 Silva loco melius surgere jussa viret;
 Atque Academiae celebratam nomine villam
 Nunc reparat cultu sub potiore Vetus;
 Hic etiam apparent Lymphae non ante repertae,
 Languida quae infuso lumina rore levant:
 Nimirum locus ipse sui Ciceronis honori
 Hoc dedit, hac fontes cum patefecit ope;
 Ut, quoniam totum legitur sine fine per orbem,
 Sint plures, oculis quae medeantur, aquae.

² Въ Италіи не было недостатка въ цѣлебныхъ ключахъ, какъ холодныхъ, такъ и горячихъ. Въ особенноти много ихъ было въ Кампаніи и Этруріи. Марціалъ

было опасно для Байи во время Августа, которому лѣчение паровыми ваннами едва не стоило жизни. Когда Августъ находился почти въ безнадежномъ положеніи, придворный его врачъ Антоній Муза присовѣтовала своему пациенту лѣчение холодною водою, и онъ былъ спасенъ¹. Этотъ случай естественно имѣлъ большое вліяніе на публику; всѣ бросились лѣчиться холодною водою, въ Габіяхъ, Клузіумѣ и въ другихъ мѣстахъ, и Байямъ грозилъ совершенный упадокъ ихъ прежней славы. Между прочимъ Антоній Муза убѣдилъ и Горация, который постоянно страдалъ глазами, оставить байскія воды и переменить методу лѣченія².

Впрочемъ большинство посѣтителей байскихъ водъ, какъ уже выше замѣчено, были люди совершенно здоровые, которые ѣхали на воды съ тѣмъ, чтобы хорошо провести время. И дѣйствительно въ этомъ отношеніи Байи были, можетъ быть, самымъ удобнымъ мѣстомъ въ цѣлой Италіи. Чудный климатъ, близость оживленнаго Мизенума, живописныя окрестности, стеченіе множества богатыхъ людей, которые были неистощимы въ изобретеніи удовольствій, — все это оставляло въ посѣтителяхъ байскихъ водъ самыя пріятныя воспоминанія.

Очень жаль, что на основаніи отрывочныхъ показаній древности³, нельзя представить полной картины той жизни, которую вели въ Байяхъ Римляне и жители другихъ частей Италіи. Намъ въ особенности хорошо извѣстна только одна сторона байской жизни, — это развратъ, который являлся здѣсь еще въ болѣе колоссальныхъ размѣрахъ, нежели въ самомъ Римѣ. Жизнь въ Байяхъ походила на вѣчныя, нескончаемыя сатурналіи, и порокъ являлся здѣсь болѣею частію безъ маски. Байи особенно опасны были для супружеской вѣрности, и, по выраженію Марціала (1, 63), римскія Пенелопы ворочались оттуда домой Еленами. Эту соблазнительную ре-

(VI, 42) насчитываетъ много мѣстъ, которыхъ воды пользовались болѣею или меньшею извѣстностію, но первое мѣсто между ними отдаетъ Байямъ, которыхъ называетъ *principes Baiarum*. Въ Неаполѣ также были горячіе ключи, которые однако мало посѣщались по причинѣ близости Байи.

¹ Sueton. in Aug. c. 59 и 81.

² Horat. Epist. 1, 15.

³ Эти показанія собраны у Zell въ его *Ferienschriften. Erste Samml. Freiburg. 1826*, стр. 141 и слѣд. Также у Беккера въ *Gallus*, 3. V, стр. 53. 1-го изданія и у Вкланда въ его примѣчаніяхъ къ «Посланіямъ» Горация (1 и 15 посланіемъ 1-й книги). См. *Horazens Briefe von Wieland. Leipzig. 1790*. Изъ старинныхъ сочиненій см. *Andr. Baccius de thermis Rom. 1622. p. 162*.

путацію приобрѣли Баіи довольно рано. Еще Цицеронъ въ своей рѣчи за Целіа, которая была произнесена въ 698 году города, старается оправдаться въ томъ, что онъ взялся говорить въ защиту человека, который, между прочимъ, успѣлъ уже побывать въ Баіяхъ¹. Конечно, эти слова древняго оратора сказаны были иронически, но и изъ этой ироніи можно ясно видѣть, какою славою пользовались Баіи въ вѣкъ Цицерона. Потому и Проперцій старается отозвать свою Цинтію изъ этого опаснаго мѣста какъ можно скорѣе, и пишетъ къ ней: «Оставь развратныя Баіи; многихъ еще разсорить этотъ опасный для непорочныхъ дѣвъ берегъ. Пусть сгибнуть эти, преступныя въ любви, байскія воды²».

Но особенно всею строгостію своей морали вооружился противъ байскихъ водъ философъ Сенека. Этотъ писатель принадлежитъ, конечно, къ числу тѣхъ представителей древней литературы, которымъ не всегда можно вѣрить на слово, когда они разсуждаютъ о нравственности. Сенека суждено было жить въ то печальное время, когда добродѣтель, нравственность и другія подобныя слова, утратили свое истинное значеніе и нерѣдко употреблялись, какъ пышная фраза, или какъ риторическое украшеніе. Не смотря на то письма Сенеки (51 и 56), въ которыхъ онъ говоритъ о Баіяхъ, не лишены интереса. Это единственный писатель древности, который сообщаетъ намъ нѣкоторыя подробности веселой и разгульной жизни посѣтителей и посѣтельницахъ байскихъ водъ. Однимъ изъ главныхъ удовольствій и развлеченій служили для нихъ, какъ видно изъ писемъ Сенеки, катанья по заливу. Съ утра и до ночи, а нерѣдко и съ ночи до утра, море и озеро Лукринское покрыты были множествомъ богато и со вкусомъ украшенныхъ лодокъ. Въ каждое время дня и ночи берегъ залива оглашался музыкою и пѣснями. Утонченная роскошь доходила здѣсь до того, что все Лукринское озеро во время этихъ прогулокъ бывало усыпано розами³. Въ то же время на берегу постоянно можно было встрѣтить веселыя общества пирующихъ подъ открытымъ небомъ.

Самый городъ былъ чрезвычайно оживленъ и отличался постояннымъ шумомъ и толкотнею. Сенека говоритъ, что онъ не могъ

¹ Cic. pro M. Coelio c. XI.

² Prop. 1, 11, 27. *Littora, quae fuerunt castis inimica puellis.*

³ Впрочемъ выраженіе Сенеки «*fluitantem toto lacu rosam*» нѣкоторые принимаютъ въ томъ смыслѣ, что самыя пирующіе были украшены вѣнками изъ розъ, равно какъ и гондолы, или лодки, на которыхъ они катались по озеру.

долѣ двухъ дней выносить этой суматохи. «Что за необходимость (пишетъ онъ) смотреть на пьяныхъ, шатающихся на берегу, на этотъ разгулъ катающихся въ лодкахъ, на озера, которыя оглашаются музыкою и пѣснями, и на все, однимъ словомъ, чѣмъ не только грѣшить, но что выставляетъ здѣсь какъ бы на показъ необузданный развратъ?» Сенека очень живо изображаетъ намъ свою жизнь въ байской гостинницѣ, которая, къ его несчастію, устроена была надъ самымъ помѣщеніемъ для ваннъ. Здѣсь съ самаго ранняго утра ему не было покоя, то отъ тѣхъ, которые занимались гимнастикою, то отъ жалобъ и стонотъ больныхъ, то отъ служителей и алиптовъ, которые съ большимъ шумомъ бѣгали взадъ и впередъ съ полотенцами и съ разными мазями. Другіе, собравшись въ кружокъ, шумно играли въ мячъ, тамъ кто-то пѣлъ, а другой со всего размаха бросался въ бассейнъ, назначенный для плаванія. Среди этого шума вдругъ подымался страшный крикъ по поводу пойманнаго вора, который, схвативъ чье нибудь платье, готовъ уже былъ ускользнуть, но схваченъ на мѣстѣ преступленія¹. И вся эта суматоха еще болѣе увеличивалась отъ разныхъ разнощиковъ, которые на распѣвъ предлагали свои товары, въ особенности пирожки и другія лакомства.

Какой контрастъ съ этимъ вѣчнымъ шумомъ, съ этою роскошною, богатою жизнію представляютъ Баи въ настоящую пору! Давно уже не раздается здѣсь музыка, давно смолкли пѣсни, исчезли роскошныя виллы, дворцы и храмы. Отъ всего этого осталась груда кирпичей и нѣсколько печальныхъ развалинъ, окруженныхъ злокачественною атмосферой. Только нѣсколько бѣдныхъ рыбацкихъ лачужекъ оживляютъ эту печальную картину, да передъ небольшимъ замкомъ, который построенъ на возвышенности, молчаливо рассказываетъ истощенный лихорадкою неаполитанскій часовой.

Н. Б—ій.

¹ Похищеніе платья было очень обыкновеннымъ воровствомъ въ римскихъ баняхъ и купальняхъ, не смотря на то, что присмотръ за ними въ этихъ мѣстахъ поручаемъ былъ особымъ сторожамъ, называвшимся *сарсагіи*. Въ Пандектахъ есть даже особенный законъ *de furiis balneariis*.

